

Царевна – Лягушка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына все молодые, холостые, удалцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: "Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь". Пустил стрелу старший брат - упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат - полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат - попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягушка-квакуша. Говорит Иван-царевич: "Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!" - "Бери! - отвечает ему царь. - Знать, судьба твоя такова".

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакуше. Призывает их царь и приказывает: "Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу". Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? - спрашивает его лягушка. - Аль услышал от отца своего слово неприятное?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб". - "Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!" Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу - и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: "Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки".

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов - и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: "Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру". Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер". - "Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!" Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу - и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: "Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать - чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!"

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковер давно готов - и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер золотом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово неприветливое?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!" - "Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром - скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет".

Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: "Что ж ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?" Вдруг поднялся великий стук да гром - весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: "Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала". Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая - такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидели ее хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой - сделалось озеро, махнула правой - и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками - гостей забрызгали, махнули правыми - кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась - нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: "Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве - у Кощея Бессмертного". Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли - попадаетеся ему навстречу старый старичок: "Здравствуй, -

говорит, - добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?" Царевич рассказал ему свое несчастье. "Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушкой кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушейю быть. Вот тебе клубок; куда он покатится - ступай за ним смело".

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадается ему медведь. "Дай, - говорит, - убью зверя!" А медведь провещал ему: "Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе". Идет он дальше, глядь, - а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом: "Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь". Он пожалел и пошел дальше. Бежит косою заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: "Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь". Иван-царевич пожалел и пошел дальше - к синему морю, видит - на песке лежит, издыхает щука-рыба. "Ах, Иван-царевич, - провещала щука, - сжался надо мною, пусти меня в море". Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли; коротко ли - прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повертывается. Говорит Иван-царевич: "Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, - ко мне передом, а к морю задом". Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит. "Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?" - спрашивает баба-яга Ивана-царевича. "Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала".

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. "А, знаю! - сказала баба-яга. - Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кошеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет".

Указала яга, в каком месте растет этот дуб; Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не взялся - прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь - а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее - утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.